

Разговор о моде превращается в разговор о достоинстве

Интервью с художником Александром Васильевым
1995 - 12 - 18 окт. - с. 15, 18.

Имя Александра Васильева известно читателям «Русской мысли» по его статьям, посвященным истории и культуре русской эмиграции. И все же, думаю, будет не лишним подробнее рассказать о нем. А.Васильев родился и вырос в Москве в семье художника Александра Васильева и актрисы Татьяны Гулевич. В Москве же закончил факультет художников-постановщиков школы-студии МХАТ.

Успев оформить в России два спектакля, он в 1982 году 22-х лет оказывается в Париже, изучает историю искусств в школе Лувра, начинает работать как театральный художник, читает лекции по истории костюма, собирает свою коллекцию.

За это время Васильевым оформлено более шестидесяти спектаклей в Европе, Азии, Южной и Северной Америке. Большинство спектаклей, разумеется, — русская классика. Но не только: Васильев оформляет и «Ромео и Джульетту», и «Великого Гетсби», и «Трех мушкетеров».

С чем связан подобный успех худож-

ника? Вне всякого сомнения, в первую очередь с его высоким профессионализмом. Во-вторых, не в последнюю очередь с тем, что Васильев продолжает традиции оформительского искусства художников группы «Мир искусства». Сегодня многие театральные художники во всем мире ограничивают свою работу над костюмами тем, что находят исторический прототип (портрет, журнальную картинку, иллюстрацию из книги), переснимают изображение и пишут на полях имя персонажа.

Васильев работает так, как в старые добрые времена работали Бакст, Бенуа, Сомов, Добужинский и многие другие. Изучив исторический материал, а также предшествующие постановки заданной пьесы, он рисует театральные эскизы костюмов. В чем отличие театрального эскиза, даже если он предельно близок к какой-либо модели, от простого воспроизведения исторического костюма? Примерно в том же, в чем разница между портретом и фотографией для паспорта.

Окончание на стр.18

Разговор о моде превращается в разговор о достоинстве

Начало см. стр.15

В эскизе художник стилизует исторический прототип, сообщает ему характер. Он изображает, как этот костюм должен носиться, какие жесты в нем возможны, то есть нередко предопределяет рисунок роли. Наконец, эскиз задает образное пространство, в котором должен действовать персонаж, одетый в данный костюм. Тем самым во многом определяется характер постановки.

Эскизы Васильева построены на двойном уровне стилизации: один план — это «остранение», иногда до гротеска, исторического костюма, игра с культурными реалиями прошлого, другой план — который можно было бы назвать стилизацией стилизации — это связь на уровне художественного приема с ироническим «мирикусническим» эстетизмом. Свои эскизы Васильев выставляет. Недавно выставка его работ (вместе с работами отца) прошла в Москве в галерее Светланы Алжубей. Одновременно в Москве и Петербурге Васильев читал лекции по истории костюма, провел ряд телепередач в серии Натальи Козловой «Образ моды», в которой рассказывал о крупнейших создателях парижской моды. Я попросила Александра поделиться впечатлениями от выставки.

— Впечатления от Москвы у меня разнообразные. Конечно, головокружение от успеха. Этот успех связан с сильнейшим интересом к художественной жизни русской эмиграции, который нарастает на протяжении последних четырех лет. Когда я открывал свою выставку, в Москве проходили выставка Олега Целкова, выставка коллекции Лобанова-Ростовского в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, выставка «Художественные сокровища русской эмиграции» в бывшем музее Калинин. Для города, который не изобилует художественными событиями, четыре выставки эмигрантского искусства, одновременно проходящие, это очень много. Разумеется, я волновался. Ведь я плохо знаю, каковы сегодня вкусы в России, что людям нравится, а что не нравится. Понравится ли им то, что я делаю? Кроме этого, я решил показать свои работы с работами отца, соединив два поколения, два очень разных творческих мира, — ведь отец работал в России, а вся моя сознательная творческая жизнь прошла во Франции и других странах. Я рискнул устроить выставку так, как это принято здесь, а не в России, то есть без парадных речей, присутствия важных лиц и разрезания ленточки. Как театральный художник, художник-постановщик, я устроил в галерее «живой» натюрморт, близкий по стилистике моему искусству и искусству моего отца: венецианский натюрморт с фруктами и французский в духе Людовика XVI с драпированным балдахином. Каково же было мое удивление, когда, стоило мне только отвернуться, эти целиком эстетические, стилизованные работы, в духе Сапунова и Судейкина, были съедены, а то, что не съедено, — унесено.

— Признайтесь, Саша, вы не могли этого не заподозрить. Связи между искусством и жизнью нарушены. Голодному и нарисованный натюрморт хочется съесть, а тут живой...

— Я думал, что съедят виноград. Но никак не мог предположить, что унесут дыни и кабачки, необходимые для воссоздания динамической композиции, свойственной венецианскому барокко. Вообще же, надо признать, что галерея Алжубей — совершенно европейская, прекрасно оформленная. Выставка была организована прекрасно. Специализация этой галереи — исключительно эмигрантское искусство, парижское и нью-йоркское (незадолго до меня в этой галерее выставился Юрий Купер), и галерея чрезвычайно заинтересована в художественных контактах с эмиграцией.

— Из Москвы вы отправились в Петербург...

— Я прочел там два цикла лекций. В Международном петербургском частном университете — по стилистике моды, и в бывшем Зубовском институте истории искусства — о моде XX

века. Особое впечатление, на мой взгляд, даже на самую просвещенную публику, произвело обилие иллюстративного материала, который я предложил и который ранее был русской публике недоступен. Это сейчас там ново. Дело не в том, что история моды была запрещена. Ее никто особенно не запрещал, но никто особенно и не изучал. Ведь проблема эстетики внешности никого не интересовала. А теперь с переменами в жизни, с появлением нового класса неработающих женщин, с появлением людей, которым необходимо быть в курсе всех по-

Александр Васильев. Костюм Графини. «Свадьба Фигаро» (Рейкьявик, 1979).

следних направлений в моде (журналисты, дизайнеры, фотографы), ею стали заниматься много и серьезно.

— Вы в некотором смысле должны чувствовать себя в роли посредника между западной культурой внешности и русской жадной ее усвоить.

— Да, для России это очень важно, и я работаю с большой радостью. Разговор о моде, о стиле, о вкусе, о пропорциях часто превращался в разговор о достоинстве, становился экзистенциальным.

— А как одеваются сегодня в столицах?

— В Петербурге люди одеваются по-городски, с элементарными понятиями о том, что туфли, шляпа и сумка должны соответствовать друг другу; в Москве люди одеваются провинциально. Не потому, что в Москве одеты плохо, холодно, скромно. Нет, все одеты тепло, ярко, броско, по-китайски и по-турецки, и довольно парадно, но сочетания цветов, формы вещей, пропорций и характера абсолютно провинциальные. Не могу сказать, что это плохой вкус, но это вкус удалого, разухабистого, недавно разбогатевшего купечества, желающего произвести эффект.

— А тонкого интеллигентного вкуса нет вообще?

— Люди уходят. Эта интеллигенция, она либо больна, либо за границей, либо умерла. Это, конечно, превеличение, но присутствие ее слабо ощутимо. Я ходил в Москве на литературные, художественные вечера. На лицах людей, собиравшихся там, я никогда не видел радости. Они живут на осадном положении. Зато попытки возрождения дворянства, аристократии — невероятные! Интерес к красивой старой жизни. Не знаю, удастся ли восстановить то, что, на мой взгляд, утрачено безвозвратно и в Париже, и в Москве. Потому что самое главное в жизни, чтобы было кому жить.

— И последнее. Как обстоят дела с изданием вашей книги?

— Я веду переговоры об издании в России книги, которую я уже давно готовлю. Это книга под названием «Красота в изгнании» — о русских домах моды в Париже в 20—30-е годы, белое пятно, совершенно забытые страницы культуры русской эмиграции, которые я по крупицам воссоздавал здесь на протяжении всех этих лет. Ну, а кроме того... Делаю спектакли, читаю лекции, продолжаю собирать мою коллекцию портретов XIX века, регулярно посещаю блошные рынки.

ОЛЬГА МЕДВЕДКОВА

Париж